

А.В. Манин-Уралец

**Золото
Южноуралья
Книга 2
1491-1865**

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья

Книга 2 1491-1865

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Золото Южноуралья Книга 2 1491-1865 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

В книге повествуется об освоении Миасской долины многочисленных золотосодержащих рудников, о появлении в старательском районе многих новых поселений, деревень и сел. О первом золоте на Руси эпохи царя Ивана III, первой промышленной разработке нерченских руд в эпоху Петра I, возникновении с 1745 года русской золотой промышленности в результате первого открытия на Урале золота кержаком Марковым, разработке золотых россыпей Государственными ассигнационными банками с 1823 года, находке самородка императором Александром I в «закопушке» на речке Ташкутарганке и добыче в 1842 году крепостным Сюткиным самородка «Золотой треугольник» около двух пудов весом, об открытии в регионе серебра и платины.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья Книга 2 1491-1865

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДОМАШНЕЕ ЗОЛОТО

ГЛАВА I
ФАРТОВЫЙ ДОБЫТЧИК

Придет русской земли и славы первый удачливый добытчик золотого металла, придут за ним и другие, и придет время, когда с чистой совестью можно будет сказать о новом веке Руси. И летописец науки Ломоносов поведает строками в «работе своей «О слоях земных» о золоте и богатстве там, где «косогоры и подолы гор Рифейских, простирающиеся по областям Соли-Камской, Уфимской, Оренбургской и Екатеринбургской, между сплетенными вершинами рек Тобола, Исети, Чусовой, Белой, Яика и других, в местах озеристых, толь довольно показали простых металлов, и притом серебро и золото, что многие заводчики знатно обогатились».

И это всего за один десяток лет! Куда же смотрели люди, ходившие по Уралу с тех времен, когда делали каменные топоры? Куда же смотрели великие цари Всея Руси с тех пор, как русские новгородцы добывали меха и пушнину в Уральских и Зауральских таежных лесах? Не видели золота? Да ведь ходили по нему!

Что до самих первобытных людей, то известно: пользовались золотом они, плавили его вместе с медью. Да и поздние, посовременней уже, русские поселенцы, как известно доподлинно, искали и открывали великие залежи золотых жильных руд и песков. В общем же, ученые предполагают, что впервые добыча уральского золота возникла в конце XI тысячелетия до нашей эры, с тех пор продолжалась только на Южном Урале и Зауралье и окончательно замерла в XVI—XVII веках. То есть, всего за 100—200 лет до возникновения русской золотой промышленности в 1745 году!

Правда, от этих «ста-двухсот» лет можно смело убрать лет 280, ибо хорошо также известно, что первые розыски Золота русскими на Урале начались вскоре после 1472 года — года завоевания князем Федором Пестрым «пермской земли».

Но результаты сказываться не поспешили. Золото не давалось. Новые подданные царя, очевидно, не пожелали делиться с пришельцами с запада тайнами скрытых своих кладовых и, следовательно, тем секретом, как добывать его из руды. Но ведь знали! Не дождавшись, по-видимому, толку от своих доморожденных рудознатцев, Иван III обратился в 1488 году к венгерскому королю Матвею Корвину и австрийскому императору Фридриху II. Русь просила прислать мастеров, которые бы способно могли выискивать золотые да серебряные руды. При этом он так объяснил: «...понеже в моей земле руда золотая да серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею». Значит, в принципе открытые залежи руд Русь имела и в XV веке. Но опять же, видно, плохо смотрела вокруг, раз и помощники с порубежья не нашли «богатимого» золота, и свои-то русичи шпыняли пласты россыпей сапогами, не потрудившись как следует сполоснуть их в ковше и увидеть желтые частички.

А в тот промежуток, как царь послал за помощниками, и до начала расцвета «русского золота», путь к нему совершался примерно таковою стезей.

Уже в 1491 году появились при дворе с готовностью выполнить поручение русского царя рудоискатели «немцы Иван да Виктор», они-то и возглавили поисковые работы с благословения церкви. Что ж, хоть и «немцы», пришельцы, а России золота надобно. Пришла пора позаботиться о собственной добыче его. (Прошло ровно 500 лет с той поры. К сожалению, дата эта никак не отметалась в кругах золотодобытчиков России).

...Начали Иван да Виктор разведку в северном Приуралье. Однако, несмотря на рвение царя и усилия иностранцев, золото на Урале обнаружено не было. Но все же, как летописи нам сообщают, небольшое количество золота (вряд ли более 200— 500 граммов) в 1491 году найдено было! И произошло это на реке Цильме. Царь Иван III несказанно обрадовался находке и повелел отлить из этого золота медаль своей дочери Феодосии. На большее «цильминского» (цилемского) золота не хватило. Конечно, эту находку «нельзя признать сколь-нибудь значимой в развитии золотой промышленности на Руси», — пишет историк Л. М. Сонин. Но для истории важно. Все должно быть поставлено на свое место.

Первое значительное «домашнее» золото в России было получено в начале XVIII века, которому предшествовало открытие в Сибири в 1689 году знаменитых Нерчинских месторождений руд серебряных. Промышленную же разработку этих месторождений начали в 1704 году при Петре I. А через десять лет, в 1714 году, любознательный «пробовальный мастер» первой химической лаборатории России — «Купецкой палатки» — Иван Мокеев, произведя по собственной инициативе пробы доставленных из Нерчинска руд, установил в них значительную примесь золота. И в жарком споре с иностранцами, «немцами», доказал техническую возможность его извлечения из исходных руд. В 1719 году Мокеев начал систематическую работу по выделению золота из руд уральских, дав России, наконец, первое отечественное «разделенное с землей» золото. Итак, год 1719! Правда, золота из нерчинских руд извлекали не очень много по причине несовершенства технологии. С 1719 до 1747 года Мокеев получил всего 1 пуд 5 фунтов (18 килограммов) драгоценного металла. «Одновременно он показал потомкам замечательный пример комплексного использования месторождений минерального сырья. Но в дальнейшем подвижнический труд Мокеева стал практически не нужен», — сообщает один источник. Но случайно ли, что именно в 1719 году 10 февраля Петр I подписал документ, установивший новое отношение к горному делу. Производит он реорганизацию управления всем горным делом в России. Распускает ослабивший себя неумелым ведением добычи и обработки руд Приказ рудокопных дел и создает вместо него Бергколлегию для обеспечения государства медью и необходимым серебром своим. Самому, наверно, страшно становилось и вспомнить, как дважды, после Нарвского поражения и после Полтавской победы, вынужден был повелеть срывать церковные колокола: в первом случае — чтобы отлить пушки, во втором — чтобы начеканить монеты. Все это было ему тогда необходимо. Но пришло время другое.

Россия способна теперь обратить зренье в глубь недр уральских. Первый пункт документа начинался так: «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо...» Да, и золото тоже! Президентом назначил генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса. Кое-кто из старого ведомства в новое учреждение, конечно, вошел. Таковым был, например, «пробирный мастер», из Саксонии родом, Иоганн Фридрих Блюэр, служивший у Петра уже с 1699 года. Им были открыты в первых годах нового века свыше десяти залежей медных руд. Объездил пол-России и серьезно определил ее запасы в «Мемориале», поданном им в Сенат в 1712 году; ему принадлежат слова: «Могу я уверить, что Россия столько же подземными сокровищами своими, сколько поверхность ее покрывающими дарами славиться может...» Но что «в знающих людях часто недостаток бывает...»

А знающие все-таки, к счастью, были. Ведь можно сказать, что у истоков горноразведки стояли такие видные руководители горного дела Петровской эпохи, как Татищев, талантливый военный снабженец, драгун, артиллерист и военный инженер, испытанный Полтавой, и Блюэр. Им обоим царь поручил к руководству Кунгурский, Уктусский, Алапаевский и Каменский заводы на Урале.

Рудокопное дело они застали в «допотопном» состоянии.

Об Алапаевском: «...Дары текут, молоты за недостатком воды, а домны без руды и угля стоят, строения перегнули... управляющий заводом Лука Бурцов — пьяница и дурак, строений непотребных завел, а нужных не починал...» и т. п.

Поиск новых месторождений, то есть руд, большей частью вели самоучки, не знавшие всех видов полезных руд, признаков для отыскания. Не было карт местности, и это не позволяло оценить с большой достоверностью как возможности, так и целесообразность разработки обнаруживаемых залежей.

Блюэр и Татищев, которым царь предписал «дружественное соединение» в делах, а «дела разбирать и указы по оным чинить... с общего совету», были единомышленны в том, что надо поставить поиск и разработку руд на современную основу, обучить кадры поисковиков, снабдить их соответствующими инструкциями, «посадить» поисковые работы на надежную топографическую основу, пробить хотя бы главные дороги для организации новых рудников и заводов, перевозки добытых на этих рудниках руд к местам переработки. Они ни на день не забывали наставления императора: «...если признак добротной руды явится, вслед расчищать и по рассуждению их оные работы начать, а нам писать для известия немедленно и для пробы с новоприобретенных мест руды присылать фунтов по пяти и больше, описывая именно, в каком положении — на восток или на запад, полдень или полночь, тако ж довольство лесов и вод и расстояние от двух или трех знатных мест...»

Русских специалистов топографической службы на Урале практически не было, на «межевых» работах с разрешения Петра по просьбе Татищева использовались грамотные пленные шведы, становившиеся во главе формируемых «межевых» партий. Но без крепкой научной основы многого вряд ли можно было добиться, и, чтобы явилась возможность оценить эффективность разработки «новоприобретенных мест», они-то и стали составлять точные топографические карты. Итак, шла организация собственной «топографической службы». Это стало важным событием в горнодобывающем деле Урала,

ведь до тех пор тут почти не знали, не использовали преимущества подземных горизонтальных выработок, а руду «копали» из ям и «дудок» — вертикальных неглубоких колодцев без крепления.

Среди пионеров топографии — ученый, «государственный человек государственного масштаба» Петр Иванович Рычков, автор «Топографии» — книжицы, по словам самого Рычкова, «в коей описано внутреннее и пограничное состояние Оренбургской губернии»; знавший с Ломоносовым и имевший от него поддержку. Вскоре уже началась самая настоящая «рудосыскная» война между горнозаводскими деятелями частного и государственного секторов.

П. П. Бажов напишет: «Вскорости и такие объявились, кои по горам да ложкам землю ковырять принялись, не положено лиг тут чего на пользу... Выли, конечно, и удачливые добытки».

Среди самых удачливых — другое имя, навечно вписанное в историю первооткрывателей рудного золота, — Ерофей Марков.

В книге издания 1873 года «Географический и статистический словарь Пермской губернии» известный ученый и краевед прошлого Н. К. Чупин при описании Березовского месторождения несколько строк посвятил его первооткрывателю Ерофею Маркову. В книге читаем: «...одновременно с Екатеринбургом (основан в 1723 г.— А. М.) завелась в 6 верстах к северо-востоку от него довольно людная деревня Шарташ при озере того же имени, населявшаяся пришлыми из разных мест внутренней России (преимущественно из Балахны и с. р. Керженца) раскольниками, между которыми было много ремесленников и торговых людей. Многие из них переселились вскоре потом в Екатеринбург, что весьма много способствовало его экономическому развитию. В числе первых переселенцев-раскольников был Ерофей Марков из Москов-

ского уезда, крестьянин Троице-Сергиева монастыря, пришедший на Урал в 1724 году (как это видно из переписной книги 1735 года)...

А в книге той написано: «1735 года Перепись живущим в Екатеринбурге городе и за городом, и в деревнях Шарташской и Становской незаписным, с пачпортами и без пачпортов, кои имеют раскол неремесленные, живущие для купечества и работы, и в раскол впади в малых летах по наущению родителей своих... В Екатеринбурге./ Ерофей Марков, Московского уезда, Вохонской волости с 1724 года... В своем дворе Ерофей Марков сын сказал се он от роду 40 лет, у него сестра родная Ксения 20 лет. Родом он Московского уезда, Вохолонской волости деревни Демидовы Троице-Сергиева монастыря крестьянин. Здесь живет по данному пачпорту со штатного двора Коломенского полку с 724 г. В раскол впал в, малых летах по наущению родителей своих, понеже и родители его в таком же расколе были и в оном расколе в оклад нигде не положен и за раскол денег не плачивал. А ныне желает в оный раскол в оклад приписаться с сестрою здесь при Екатеринбурге и за раскол платить деньги». Так он и жил с бумагой «для прокормления» то в Шайтанском заводе А. Демидова, то в селе Шарташ возле Екатеринбурга. С 1735 года стал постоянным жителем Шарташа и занимался вольными поставками для Екатеринбургского и других горных заводов. Попутно промышлял по рудознатному делу — искал ценные породы и редкие камни.

Писатель Д. Н. Манин-Сибиряк в свое время писал, что «раскольники были отличными работниками, самыми надежными поставщиками разных припасов и особенно были полезны по части приискания новых руд»!

Немало лиха выпадет на долю его, крестьянина-отходника Ерофея с тех пор, как в 1723 году ушел он из родного монастырского села Павлово Московской губернии, взяв «прокормежное» письмо и еще, должно быть, благословенье какое от духовора своего, а то и с дозволения чиновников Синода.

Кержак Марков, как и многие его братья по вере, кроме крестьянской работы пробавлялся поиском и продажей «строганцев» и «тумпасов» (так в старину называли кристаллы горного хрусталя). И в счастливый день свой и для России он отправился набрать кристаллов (может, и по заказу, для икон Троицкой лавры?)...

Попробуем далее здесь в биографию Маркова внести и свою литературную толику.

Настоятель сидел в глубине залы, свет решетчатых окон обливал его солнцем с одного края, и он казался разделенным на две половины: по одну — человек, кои тайные мысли, будь он хоть и священник, неведомы никому, кроме Бога; а по другую — осиянный великою думой святой отец, наполовину уже обеспечивший себе дорогу в рай. Но, видно, что-то еще тревожило дух и плоть, и он позвал его, простого человека, до себя. Ерофей осторожно переступил порог и вник в пределы залы. Священник поманил его: «Подойди ближе, ничего ты худого не содеял, — сразу успокоил он кержака, которому церковь на это смутное время раскола была домом сатанинских прислужников и ничего общего между душой человека и Богом не имела, была вертепом разбойничьим и людей от истинной веры отвращала. Но на сердце его отлегло: не судить вызвали, деньги за раскол он выплатил исправно, обеспечив себе право верить без церкви. Тем не менее он поклонился в храме сему священнику до полу. И выпрямился.

Бог простит меня, что я позволил тебе с твоею адскою замерзелью переступить порог священной обители божьей, — заговорил настоятель, привставая и одновременно на ходу оглаживая по животу растекшуюся пенными струями бороду, — но, может, ты еще переменишься... И Сергей, святой муж, тоже за это простит, ибо много прилагал сил, чтобы язычников обратить в христианство, и Синод против ничего не имеет... Дело у меня к тебе щекотливое, придется тебе пойти на уступку... Ты, Ерофей, покрестись, покрестись... вот так, да не про себя, — и он показал с лукавою улыбкой, проведя рукой по стенам, на живописные иконы, великолепное исполнение тупейных писцов, богомазов и личников по фрескам.

Ерофей вздрогнул, и рука его замерла на груди, сложенная в троеперстную щепоть. Он виновато поднял глаза, в них засел страх. Истинно сатанинская сила кроется в церкви Петровской, кажется, отовсюду следят глаза и уши шпионов Синода. Оглянулся Ерофей на двор. Позади никого, а тут глаза святого отца не горели обманом.

Да как же я, батюшка, на иконы молиться?! Иконы — творения рук человеческих, негоже им поклоняться, что идолам. Нету в них бога, а я не язычник... духобор я, кержак.

Хоть мы молимся им, но и мы не язычники, — укорил спокойно священник. — Ты погляди на святого Сергия, — показал на золотую икону, — разве этот просвященнейший человек поклонялся идолам, нет — душе человеческой, и тем жертвовал перед богом, чтобы бог имел возможность прощать ваши заблудшие души. Ты опять споришь ли?.. — спросил он, видя нахмуренное лицо кержака. Кержак испугался.

Н-нет, я готов все что угодно... только не заставьте обратить в свою веру, не могу ходить в церковь и иконе молиться.

И то ладно. Главное мне от тебя нужно творение рук твоих, понеже, слыхиваю, нет другого такого искателя рудокопа. Говорят, хороших ты накопил строганцев и тумпасов и сбываешь их хорошо. — Ерофей кивнул, не чувствуя ног. — Позволю и впредь не молиться иконам и трактовать Священное писание по заблудшему разуму твоему, коли достанешь мне хороших тумпасов для украшения окладов и икон. А теперь ступай и ищи... для Троицкой лавры! — И священник величественно махнул рукавом рясы, указывая на дверь.

Нет, не могли отказаться от силы, от рук рабочих народных умельцев и талантливых разведчиков недр подземных ни высокомерные вельможи, ни поддавшаяся власти царской церковь. (Но она не слабела физической силою и жила, оставались в ней души пресветлые.) Кому же надо было заботиться и о приумножении ее красоты, внешнего достоинства.

Это было накануне 21 мая 1745 года, когда Ерофей, ища хрусталь, увидел признаки золота.

21 мая (1 июня) 1745 года Марков объявил о своей находке в канцелярию Главных заводов правления. Об этом сообщается в документе: «1745 года 21 мая дня в здешней канцелярии главных заводов правления помянутый раскольник Марков объявил и сказал сего же года до Николина или после Николина дня, а подлинно в который не уомнит, едучи он в проезд от той Шарташской к Становской деревне, отъехав версты с три, усмотрел между Становской и Пышминской деревень дорогу, наверху земли светлые камушки, подобные хрусталу, и для вынятия их в том месте землю копал глубиною с человека, смыкивая лучшей доброты камней. Только хороших не нашел и между оными навел плиточку, как кремешок, на который знак с одной стороны в ноздре, как золото, и тут же между камешками нашел таких же особливо похожих на золото крупинки три или четыре, а подлинно не уомнит...».

Марков прибыл в канцелярию добросовестно показать «один камешек, в коем находятся части, подобные золоту».

В объявленном камешке, по усмотрению канцелярии, «явилось, что в одном подлинно имеется малыми частицами самородное золото».

Зачем там копал? — удивленно и строго, чтобы все по порядку, спросили в канцелярии рудокопа. Оттого, что случай привел, - злобно сказал Ерофей. - Глянь - камешки как шевелятся.

- Повесим, пошевелишься, говори прямо, - шел протокольный суд.

— От того, что в церковь ходил, Иисус Христос мне с иконы мигнул и голову наклонил, решил, видать, сделать милость божескую и указал на рудник.

Кержак ходил в церковь! Где, с кем беседовал? О чем? Дознавшись, его отпустили. Но притом первооткрывателя обнадежили, что награждением он «имеет быть впредь не оставлен». Однако потом, как сообщают источники «и отчаивались, и Маркова чуть жизни не лишили, озлобясь, что золото не сразу в руки далось». Да, видно, то ли и впрямь под счастливой звездой

родился известный миру сегодня находчивый рудокоп, то ли глаз у него был легкий, а, может, и Бог помог, вывел его к руднику, но только именно там, где впервые выкопал он свой «камешек с частками, подобными золоту», два года спустя, в 1747 году, была заложена глубокая шахта, давшая начало руднику, известному в России как Первоначальный. С 1748 года в нем добудут около 340 килограммов драгоценного металла.

Рудник этот поистине оказался лишь первоначальным. В его окрестностях к восходу XIX века было выявлено еще около 70 золоторудных мест, почти на каждом из которых были заложены и работали рудники.

А в тот год открытия золота Марковым выдали ему, пионеру, 42 копейки, не забыв вычесть пошлинный сбор. На этом благоденствия власть имущих к нему и кончились...

Итак, в 1747 году начались разработки открытого им месторождения. В 1753 году был заложен первый золотопромывальный завод — Березовский. В доношении, представленном Марковым в канцелярию в 1752 году, через 7 лет нищенского существования, сообщается: «В 1745 году обыскал я нижайший своим тщанием и радением от деревни Шарташской между Становской и Пышминской дорогами со знаком золота камень и объявил в вышереченной канцелярии, и по определению оной канцелярии, явилось подлинно содержания золото и работы произведения то место достойное, где по тому моему объявлению работа и производится, и золото добывается...» (Козлов А.Г. Указ. соч., с. 75.) Видно, еще раз хотел обратить внимание власть имущих на нужды свои, на рвенье свое и впредь угодить Отечеству. Современники не сразу узнали имя его, а потомки знают во всем православном мире, ведь с именем Ерофея Маркова связано начало развития золотодобывающей промышленности в России вообще, а Россия, крупная золотопромысловая держава, заявила о себе поначалу с Урала, с Березовского. В историческом сквере Березовского, где раньше была плотина и обрабатывали руду, добывая из нее золотые крупы, потомки — россияне установили памятник рудознатцу. Он будто присел у каменной стены, пристально и удивленно рассматривая кусок породы. Что на нем? Золото? Оно!..

ГЛАВА II ВЕСТОВЫЕ УРАЛЬСКОГО ЗОЛОТА

Плотное заселение Южного Урала русскими началось в конце 30-х годов XVIII столетия, то есть совсем незадолго до того, как нашли здесь первое золото и промышленно стали его извлекать. Россияне появились не вдруг, а уже после того, как казахи орды Малый Жуз, населявшие эти места по просьбе их хана Абдулхаира для защиты от истребления завоевателями-джунгарами, были присоединены к Российской империи, что закрепила знаменитая Оренбургская экспедиция И. К. Кириллова в 1734-36 годах. Результатом этой экспедиции стали новые крепости на Южном Урале, предвестники будущих городов. На месте будущего Миасса прежде сыскали медь, а не золото. Но это взаимосвязано.

Первичное золото в природе встречается часто вместе с минералами сульфидной группы, входящей в состав медной руды. Поэтому до обнаружения первого золота в Миасском районе сначала благоприятствовало здесь все для существования горнорудного производства именно по добыче и обработке меди, железа.

Впрочем, эта отрасль началась в России не здесь. После открытия Никитой Ануфьевым (Демидовым) месторождений железа на Урале 1669 году горнодобывающая промышленность быстро развивалась, и к 1730 году количество действующих железоплавильных заводов в регионе достигает 28, а медеплавильных — 4.

Невьянск. Именно здесь начался горный промысел — на Урале Среднем. Отсюда он проникает в другие районы, на Урал Южный — тоже. Несметное богатство, обнаруживаемое

где-то в одном месте, заставляло, конечно, тут же оглянуться вокруг повнимательней, и каждый новый шаг уже заставлял сделать следующий — конца и края бесценным кладовым древнего Рифея, оказалось, не видать! В 1754 году купец Мосолов строит Златоустовский железоделательный завод, а через два года такого же типа завод появляется в СатКе.

По Указу Бергколлегии, горного ведомства, осенью 1773 года (7 ноября) Ларион Лугинин, купец из Тулы, стал строить медеплавильный или, как говорилось тогда, «медеплавленный» завод ближе к воде, на реке Миасс, известной уже месторождением меди. Завод был поставлен, руда на завод в обозах пошла сюда одинаково с Поляковского, Кизникеевского, Покровского и Чистогоровского рудников. Да, месторождение оказалось видным, но не бездонным. Содержание меди в рудах было не очень богатое. Когда руды было вдосталь да рядом, считай под ногами, выгодно было работать ее, но вот выгодные запасы кончились. Это произошло спустя почти сорок лет после постройки завода, в 1810 году. И спустя еще шесть лет медеплавильный Миасский завод закрывается, но на базе его меняют медеплавильное дело железопрокатным.

Вообще, горные работы как таковые производились на Миасской земле еще задолго до появления русских рудных разведчиков, рудознатцев. Чудские племена, а впоследствии, в частности, башкиры, населяющие Миасский район, добывали и обрабатывали в небольших плавильных печах железные и медные руды. Предполагается даже, что могли плавить золото.

Что касается самих золотых месторождений, как рудного, так и россыпного золота, то впервые на Южном Урале оно было открыто именно в Миасском районе. И с той поры добыча золота продолжается здесь до сих пор и на достаточно высоком уровне — знаменитого россыпного миасского золота.

Считается, что прежде россыпного обнаружено здесь было рудное золото, в конце XVIII века. Но известно и то, что еще Паллас указывал — в 1769 году! — на признаки присутствия золота вблизи озера Кундравы, возле Миасса. Золото было встречено им, скорее всего, в прибрежно-озерных песках, известно теперь, что с содержанием 2,67 грамма на тонну, о «котором в то время и не помышляли на Урале».

Рудное же было открыто по реке Ирмель. Это стало первым коренным открытым месторождением на Южном Урале, а открыла его поисковая партия оберберггауптмана 3-го класса Евграфа Мечникова, отправленная в 1797 году в Оренбургскую губернию для отыскания руд благородных металлов. Что ж, задачу партия выполнила. Назвав первое месторождение Первопавловским, партия направилась дальше, и, как известно, ею были зарегистрированы признаки россыпного золота вблизи Миасского завода (так назывался центр «Лугининской империи» — будущий город Миасс). Однако точных сведений в архивах об этом не сохранилось.

Летом того же года по предложению Главной канцелярии госдепартамента заводится «Дело о заведении Мияских золотых приисков», в связи с тем, очевидно, что «партия разведчиков... Мечникова открыла жильное золото».

Не думал Мечников, посланец государев, золото искать в Уральских горах, что неподалеку от этого места в недалеком будущем помазанник божий начнет копать в руднике да найдет самородочков на двенадцать золотников!

Первое официальное золото на Южном Урале. Отсчет ему начат в документах с 9 июля 1797 года! Историческая дата!

На дачах Миасского завода разведчики нашли еще несколько золотосодержащих жил, где были созданы прииски. На плотине Миасского пруда была поставлена первая золотопромышленная фабрика (1798—1800), измельчающая золотосодержащую руду; извлекала золото на шлюзах примитивной конструкции... Начало золотого промысла по добыче и обработке жильного золота на Южном Урале было положено. Разумеется, поиски золота не прекращались по всей округе, спустя три года они увенчались новым открытием в тридцати верстах от Миасского завода, по дороге в Верхнеуральск. Появилось на карте новое месторождение с офици-

альным названием «Степной». Казалось, тут уж дела не остановить, да вскоре искатели поуменьрились, когда стало ясно, что за три года «Степной» дал казне всего несколько килограммов золота.

Добычные земли оказались тут бедны, примитивная техника не позволяла извлекать прибыль в столь трудных рудах. Рабочих-горняков заставляли работать в страшных условиях. Несколько не замедливших явиться случаев гибели людей в шахтах, нищета заставили большинство бежать от хозяев. Еще лет десять-двенадцать «порыли золото» горе-хозяева в этом районе и бросили это бесплодное занятие.

«Коренное золото на Миасских промыслах добывалось Казённым иждивением с 1799 по 1811 год», — писал Манин- Сибиряк. Ведь «золотые промыслы служили каторгой для провинившихся рабочих, которых ссылали из Златоуста и других заводов... Ссылные, не желая продолжать свою египетскую работу, отчасти портили уже известные жилы, а новые не открывали. Так эта золотая каторга сама собой и сошла на нет, а с ней надолго исчезла и эксплуатация жильных месторождений... Открытие существования россыпного золота послужило поворотным пунктом в истории миасских промыслов». Да, в 1815 году добыча рудного золота в Миасском районе была вовсе прекращена. 18 килограммов золота, то есть четыре с половиною фунта, — вот и всё, что дала золотоносная руда казне.

В связи с этим необходимо отметить характерную к вышесказанному деталь, подтверждающую начало именно в конце XVIII века промышленной добычи золота на Южном Урале.

17 января 1799 года в Канцелярию главного заводов правления в Екатеринбурге поступило донесение от отставного казака из Чебаркульской крепости Родиона Волхина: «Прошлого 1798 (заметьте: 1798! — А. М.) года найдены мною той же губернии от Санарской крепости в 10 верстах по течению реки Санары на левую сторону в горе прииски. Первый примерно от оной реки в одной, второй от того в пяти, а от сего третий в четырёх, а от него четвёртый в одной версте...» Так было открыто одно из самых известных месторождений золота на Урале, южноуральское — Кочкарское, возле современного города Пласта. В том же году границы месторождения уточнились находками казака Уйской крепости Спиридона Фоминых и его товарищей, о чем подробнее будет рассказано в одной из последующих глав книги.

«Жажда золота вызвала открытие и познание мира», высказались философы древних веков. Действительно, поиск «желтого металла», который вскоре назовут благородным, позволил, помимо самого поиска, сделать интересные геологические наблюдения, накопить их в багаж научных познаний, создать карты месторождений других ценных ископаемых, к которым человек, в конце концов, познав пользу каждого минерала, металла, вернётся, чтобы употребить их себе во благо. А среди них такие редкие элементы, как уран, вольфрам, пирит, сурьма, барит, флюорит, оловянный камень, киноварь, шеелит и многие, многие другие.

Среди первопроходцев и рудознатцев Южного Урала встречается немало славных имён. Первооткрыватель слюды на реке Урал — казак Сидор Васильевич (1615), каменного угля по реке Белой — башкирский старшина Елдаш Кутлин (1770) и угля в Челябинском уезде — И. И. Редикорцев (1832). Под руководством шихтмейстера Е. И. Мечникова геологическая партия открыла в 1797 году на Южном Урале Петропавловский золотой прииск и Бергдиректорский медный рудник. Шихтмейстер Златоустовских заводов Свиридов открыл новый золотоносный рудник по течению реки Уя (1824) и разведал месторождение графита возле озера Еланчик (1825). И это лишь несколько примеров.

Все их открытия все больше шли в пользу Отечества, открывая «разноцветное золото» недр отеческих; все эти минералы, потребные для выделявания самых разнообразных продуктов промышленности, во многом тем самым сохранили собой и сами запасы российского золота. Ведь при наличии их «под боком» в «домашней» земле у царского правительства ухаживала нужда тратить деньги — золото, серебро — в пользу иностранных торговцев. Русские ученые с большим рвением

догоняли передовую научную мысль, чтобы весомые практические дела уметь воплощать в развитие собственной, отеческой базы промышленности. Как опять не вспомнить при этом гения Ломоносова, больше других всю свою жизнь спешащего не опоздать донести до народа простую великую правду — об эффективности любого труда, когда он связан тесными узами с опытом прошлых веков, научных познаний сегодняшних; соединяя все это в своей творческой мастерской, он пишет для народа полезные труды. В середине XVIII в. он посвящает народу «Первые основания металлургии или рудных дел». Это стало в России единственным на многие годы руководством, содействующим изучению недр и развитию горнорудной и металлургической промышленности, и частности, разумеется, на Урале. Не одно поколение пользовалось этим руководством! Любопытно в связи с этим узнать его откровение. В январе 1749 года в письме к Татищеву, тогда уже признанному, известному историку, государственному деятелю и основателю Екатеринбурга признал он: «Главное моё дело есть горная наука...»

Посвящая часть знаний своих и догадок, касающихся в том числе и золота, людям, он указал, в частности, на то, что может быть сыскано много благородных металлов не только на восточной стороне хребта Уральского, а и на западной, до того считавшейся бедной и для золотопромыслов едва пригодной. Он окажется прав и здесь. Разделялся Урал также на Север и Юг, и, несмотря на то, что первые открытия чаще совершались на Северном и Среднем Урале, ученые не могли не знать, что золотом богаче должен быть Урал именно Южный, ибо климатические условия здесь более переменчивые, чем на севере, и разрушение горных пород происходит здесь интенсивнее, оттого интенсивнее идет обогащение их «кислыми средами», несущими с собой золотой металл на поверхность.

Впрочем, в глубь веков каждое новое открытие не считалось «южным» и «северным», оно было уральским. Звучал Урал — и всё тут! И оттого у современника, оглядывающегося далеко назад, где бы он ни жил, с одинаковым уважением вспоминаются имена самых разных везучих золотоискателей, какими были и кержак Ерофей Марков, и екатеринбургские рудо-приказчики Петр и Степан Бабины, и невьянский крестьянин Полевин, казак Иванов, и рядовой Попов, и многие- многие другие, кого сегодня можно найти в списке первооткрывателей золоторудных месторождений России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.